

УДК 821.161.1

DOI: 10.32342/2523-4463-2019-2-18-12

В.Д. НАРИВСКАЯ,
*доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы
Днепропетровского национального университета имени Олесея Гончара*

«РОМАН В ПИСЬМАХ» И. ШМЕЛЕВА И О. БРЕДИУС-СУББОТИНОЙ: ПАРАДОКСЫ ЗАПАХОВ И АРОМАТОВ ЛЮБВИ

В статье рассматривается переписка известного писателя Ивана Шмелева (1873–1950) с Ольгой Бредиус-Субботиной (1904–1959). Их знакомство состоялось в эмиграции в переписке как с «почтительницей». Это был тяжелый период в жизни Шмелева, обусловленный расстрелом единственного сына, вынужденной эмиграцией, смертью жены. В состоянии писателя ощущалось прощание с миром. Неожиданная переписка с Бредиус-Субботиной, ее преклонение перед творчеством талантливого мастера литературы возродила желание жить и творить. На сей раз это была переписка, которая с течением времени обретала для Шмелева особую значимость, дала возможность быть услышанным в своих рассказах о трагических ощущениях, с которыми жил годы. Среди особенно наболевших была тема Крыма, которая вспыхнула в переписке глубоко хранимым состоянием – памятью о крымских запахах, как оказалось, более устойчивых, прочных и потому дорогих сердцу. Это предполагало соответствующую реакцию адресата. Но Бредиус-Субботина осталась несколько равнодушной к теме Крыма, тем не менее, смогла предложить новый формат переписки на волне излюбленных Шмелевым крымских запахов. В письмах Бредиус-Субботиной акценты смещены к переживанию наслаждения цветочными ароматами и запахами. Шмелев принял это предложение, не отказываясь вместе с тем от оксюморонных крымских смыслов, приумножив их запахами винограда и роз как вызов аномальному миру. Бредиус-Субботина была не менее настойчива в своих желаниях, поэтому с особенной силой привносила в переписку «ароматы Жизни», т. е. ароматы любимых цветов, тем самым возбуждая обонятельное впечатление Шмелева, способствуя его возвращению к мальчишеству, к юности, к, казалось, забытому состоянию. Таким образом, в 1941 г., в разгар трагических событий Второй мировой войны в переписке Шмелева и Бредиус-Субботиной возродилась традиционная тема мировой литературы – любовь и война. Наступил тот миг, когда Шмелев осознал, что Ольга Александровна – его последняя любовь, а переписка с ней – «роман в письмах»; он как писатель создает свое последнее художественное произведение, которое будет прочитано потомками. Поэтому Шмелев не только восстановил традиции мировых и русских любовных эпистоляриев, но и привнес свой опыт, возвращаясь в молодость. Его увлекла возможность обмена цветами, цветочными ароматами, которые способствовали интенсивной работе воображения. В письмах писатель создает цветочные зарисовки любимой, а затем пишет эту «Девушка с цветами», который удалось передать. Гиацинты, колокольчики, ландыш, душистый горошек, сирень передавались из Парижа в Голландию и стали символами страстной любви.

Шмелев и Бредиус-Субботина обратились еще к одной культурной традиции, а поэтому получили письма с запахом французских духов, что создавало ощущение телесной близости, особенного состояния любви. Цветы, цветочные ароматы, французские духи смешались в любовной переписке, обусловив ее стиль и представив уникальный для XX века образ любви.

Ключевые слова: переписка, образ любви, ароматы, запахи, цветы, духи, дух, обоняние, воображение.

У статті розглядається листування відомого письменника Івана Шмельова (1873–1950) з Ольгою Бредіус-Субботіною (1904–1959). Їх знайомство відбулося в еміграції у листуванні як із «читачкою-поціновувачкою». Це був тяжкий період у житті Шмельова, обумовлений розстрілом єдиного сина, вимушеною еміграцією, смертю дружини. У стані письменника відчувалося прощання зі світом.

Несподіване листування з Бредіус-Субботіною, її преклоніння перед творчістю талановитого майстра літератури відродило бажання жити і творити. Цього разу це була переписка, яка з плином часу набувала для Шмелєва особливої значущості, дала можливість бути почутим у своїх розповідях про трагічні відчуття, з якими жив роками. Серед особливо наболілих була тема Криму, яка спалахнула в листуванні глибоко збереженим станом – пам'яттю про кримські запахи, як виявилось, більш стійкі, міцні і тому дорогі серцю. Це передбачало відповідну реакцію адресата. Але Бредіус-Субботіна залишилася дещо байдужою до теми Криму, проте змогла запропонувати новий формат листування на хвилі улюблених Шмелєвим кримських запахів. У листах Бредіус-Субботіної акценти зміщені до переживання насолоди квітковими ароматами і запахами. Шмелєв прийняв цю пропозицію, не відмовляючись водночас від оксюморонних кримських смислів, примноживши їх запахами винограду і троянд як виклик анормальному світу. Бредіус-Субботіна була не менш наполеглива у своїх бажаннях, тому з особливою силою привносила в листування «аромати Життя», тобто аромати улюблених квітів, тим самим збуджуючи нюхове враження Шмелєва, сприяючи його поверненню до юності, до, здавалось, забутого стану. Таким чином, у 1941 р., у розпал трагічних подій Другої світової війни в листуванні Шмелєва і Бредіус-Субботіної відродилася традиційна тема світової літератури – любов і війна. Настала та мить, коли Шмелєв усвідомив, що Ольга Олександрівна – його останнє кохання, а листування з нею – «роман у листах»; він як письменник створює свій останній художній твір, який буде прочитано нащадками. Тому Шмелєв не тільки відновив традиції світових і російських любовних епістоляріїв, але і привніс свій досвід, повертаючись у молодість. Його захопила можливість обміну квітами, квітковими ароматами, які сприяли інтенсивній роботі уяви. У листах письменник створює квіткові замальовки коханої, а потім пише етюд «Дівчина з квітами», який вдалося передати. Гіацинти, дзвіночки, конвалії, запашний горошок, бузок передавалися з Парижа до Голландії і стали символами пристрасного кохання.

Шмелєв і Бредіус-Субботіна звернулися ще до однієї культурної традиції, а тому отримували листи із запахом французьких парфумів, що створювало відчуття тілесної близькості, особливого стану кохання. Квіти, квіткові аромати, французькі парфуми змішалися в любовному листуванні, зумовивши його стиль і представивши унікальний для ХХ століття образ любові.

Ключові слова: листування, образ любові, аромати, запахи, квіти, парфуми, дух, нюх, уява.

Публикация переписки Ивана Шмелева эмигрантского периода с Ольгой Бредіус-Субботіной была, пожалуй, одним из наиболее знаменательных событий не только в освещении творческого наследия писателя-классика, но и в обогащении литературы ХХ в. жанром «романа в письмах». По определению самого писателя, это его последнее художественное произведение, появление которого было полной неожиданностью после всего пережитого: октябрьского переворота, **гражданской войны**, расстрела единственного сына, белого офицера, ужасов красного террора в Крыму, воссозданных в романе «Солнце мертвых», отъезда в эмиграцию во Францию, смерти жены, единственной опоры. Оправиться от этих трагедий, даже заглушить в себе нестерпимую боль Шмелев уже не мог. Создавалось впечатление, что полнейшее одиночество подавляет его творческие и жизненные силы, было ощущение прощания с миром. Но в этот миг предельной заостренности испытаний и душевной боли Шмелев получает письмо от одной из своих «по-читательниц», на которое не мог не ответить. Так завязалась переписка с Ольгой Бредіус-Субботіной (1904–1959), русской эмигранткой, проживающей в Голландии. Тому способствовал (не без предостережений) известный русский философ Иван Ильин, хорошо знавший как Ольгу Александровну, так и поддерживающий Шмелева. Спустя годы в письме к Ильину, полном восхищения, Шмелев писал: «Она чиста, открыта, *детска*, и, часто непостижима для меня. Она давно-давно была в моих предчувствиях, и я несчастен, что она... лишь коснулась моей жизни... Но знаю я, что перепиской за почти 7 лет, мы многое нашли друг в друге, настолько, что *других* слов не надо. Мне было даровано счастье *увидеть* чудо русской женщины – во всем» [1, с. 423].

Завязавшаяся переписка продлила жизнь Шмелеву, и он это ощутил, но со временем. Тем не менее, изначально писатель был сдержан в первых письмах в выражении нахлынувших бед, оставаясь наедине с самим собой. При всей интенсивности переписки ключевым было слово «одиночество». При этом Шмелев подчеркивал в письме к Бредіус-Субботіной: «Ваше одиночество – временно, увидите близких, Бог даст. Другое дело – одиночество безнадежное...» [2, т. I, с. 30]. **Это было то травматическое состояние, в котором длительное время пребывал Шмелев, обусловленное трагедией Крыма, но более всего крас-**

ным террором, свидетелем которого был писатель и ощутил его на себе в полной мере. Эмиграция не только не сгладила остроту пережитого, но дополнила ощущением ностальгии, тоски не столько по России, сколько по Крыму и погибшему сыну: «...дорогой друг, милый друг, нежный друг мой... мне хорошо от Ваших писем, я так привык к ласковости и нежности, и все это ушло от меня, и с какой болью! Такие утраты пережил – самое дорогое взято. Сына я потерял в Крыму... – ах, какой он был! Больно...» [2, т. 1, с. 60]. Тем самым Шмелев постепенно вовлекал Бредиус-Субботину в наиболее глубокие и дорогие ему крымские воспоминания, прописывая путь, который прошел, постигая Крым: «я проглядел десяток томов “Энциклопедии Крыма”, изучая Коран и татарский фольклор, – но все же это, пожалуй, не истинная картина... Теперь мне смешно вспомнить, но писалось с горячей искренностью» [2, т. 1, с. 62]. При этом Шмелев как писатель в большей степени уповает на воображение: «Открылось – человек владеет таким чудесным даром – носить в себе чудесный аппарат – воображение...» [2, т. 1, с. 62], т. е. психологический стимул творчества и вместе с тем данность, реализованную и присутствующую в произведении в статусе домысла, вымысла, лишённого реального предмета. Шмелев осознавал, что воображение было состоянием его нервной системы, оказывая влияние на организм – отсюда шмелевское «одиночество безнадёжное», выход из которого виделся в единстве психологических и эстетических сил суждения, примноженных актом памяти как способности сохранивших восприятия и представления после момента переживания, оставляющего в сознании свой «след». Память Шмелева была той скрытой силой, которая мобилизовала пережитое в единое целое, используемое им для создания особых отношений между «следом» и формирующимися новыми его («следа») переживаниями. Казалось бы, Шмелев не был озабочен полнотой совпадений «образов-следов», «отождествляемых в массе других, и новых переживаний, обогащенных писательским воображением, обретающих четкость, а также улучшения «в направлении “хорошего образа”» [3, с. 329]. Именно таким в письме «вспомнились дни счастья, молодость наша, наша поездка, в первый раз в жизни в горы, пикник, родники, моя Оля... Я и сейчас слышу, как собачка хрустит головкой тараньки, под камнем, на вершине Чатыр-Дага... Я слышу аромат от шашлыка, вижу бессмертные глаза...» [2, т. 1, с. 62]. Обновленный старый «след» придает выразительность крымской целостности, насыщенной ароматом... Едва ли не впервые крымский аромат обретает для Шмелева статус события. Как отмечает О. Вайнштейн, «знаковый эффект аромата – самый мощный и одновременно самый хрупкий компонент, составляющий (и в буквальном, и в переносном смысле) атмосферу эпохи [4, с. 5]. В данном случае у Шмелева происходило временное разделение Крыма на «до» и «после» трагедии. На этой волне писатель обживает крымскую тему в переписке с Бредиус-Субботиной с надеждой, что ей «...Крым откроется», где «у меня маленькая усадьба, домик наш... – останется он в «Солнце мертвых» [2, т. 1, с. 106]. Шмелев открывал и для себя Крым уже не только через воспоминания, но в большей степени уповая на свое образное воображение как результат эстетического опыта, когда воображаемое обретало черты реальности, более впечатляющей чем сама реальность. В этой связи целесообразно привести еще одно весьма важное наблюдение О. Вайнштейн: «Наслаждение ароматом – метафора владения материальным миром и его самой эфемерной, летучей субстанции, на грани перехода в небытие» [4, с. 6]. После пережитых трагедий Шмелев ощутил это метафорическое состояние, находясь как бы на «переходе в небытие». Память о Крыме преломляется через весьма редкий отрывок из романа «Солнце мертвых» со смыслом идиллии, райского уголка, которого как бы не коснулась разрушительная сила террора: «Черный дрозд запел. Вот он сидит на пустыре, на старой груше, на маковке – как уголек! На светлом небе он четко виден. Даже как нос его сияет в заходящем солнце, как у него играет горлышко. Он любит петь один. К морю повернется – сплет и морю, и виноградникам, и далям...» [2, т. 1, с. 106]. И все же этот идиллический по содержанию отрывок из «Солнца мертвых» задает ключевую для «романа в письмах» доминанту – оксюморонную как эпатаживание, вызов аномальному миру. Эта оксюморонность не общеупотребительная и явно не традиционная, хотя одна из составляющих столь сложного оксюморона – «солнце мертвых» – обретает фразеологический смысл. Оксюморонность реализуется через осознание реальности непосредственных смыслов сопрягаемых явлений – метафора «солнце мертвых» и идиллический пейзаж, в восприятии которого Шмелевым ощущается кантов-

ская мысль: «чем легче жизненное чувство поддается впечатлениям (чем более тонко и воспринимается оно), тем человек несчастнее» [5, с. 186]. Оксюморонный смысл сохраняется во всей любовной переписке, не ослабевая и не перерастая в иное качество, но обновляясь, когда в размышления о чувстве любви, охватившего Шмелева и Бредиус-Субботину, прорывались непосредственные воспоминания о красном терроре (например, симферопольские) или упоминания о «Солнце мертвых». Если роман Бредиус-Субботина воспринимала восторженно, то Крым и крымские воспоминания Шмелева весьма сдержанно, подчеркнуто безэмоционально, даже к «Винограду» (рассказ Шмелева) и его подарку – сохраненному чудом, крымскому изюму, описанному им восторженно: «... Не синего – увы – и не на ветке, – а Malaga – очень-очень сахарного, крупного, золотистого, душистого! ... Розами пахнет. Теперь его во всем Париже не найти, а для тебя сберег» [2, т. I, с. 289]. Тем не менее, Ольга Александровна оставалась равнодушна к крымским дарам.

Шмелев ощущал эту напряженность, пытаясь все же раскрыть красоту и богатства Крыма любимой. Тем не менее, пребывая в состоянии «юной любви», последней в своей жизни, Шмелев переживал востребованность в юношеских ее проявлениях, столь необходимых и для его возлюбленной. Как творческая натура, ценимая Шмелевым, Бредиус-Субботина осознавала необходимость утверждения через образное слово. В своем стихотворении от 16 сентября 1941 г., словно отвечая на призыв Шмелева: «Твори свое, себя. Ты – призвана Господом...» [2, т. I, с. 158], Ольга Александровна высказала наиболее потаенные чувства своей любви:

Букеты пышные Цветов Земли собрать бы я хотела, –
От лотоса, мимозы стыдливо-робкой,
Фиалки скромной, –
    до...
Жарких маков...
И ароматов Жизни я бы взять хотела, –
...земляники спелой,
От ландыша благоуханья чистого, святого, –
    до...
Страсного дыханья алой розы
Что Ты отдашь мне все, –
– в одном лишь поцелуе» [2, т. I, с. 159].

Тем самым Бредиус-Субботина предложила Шмелеву новые взаимоотношения в переписке через «ароматы Жизни», с которыми она соотносила любимые цветы как особую часть культуры. Отныне ароматы цветов входят в переписку как восприятие любви/жизни на основе возбуждения обонятельного (ольфакторного) впечатления. Очевидным было то, что цветочный аромат, язык цветов дополнял впечатления от жарких слов писем. В разгар Второй мировой войны (1941 год!) Бредиус-Субботина возвращает к жизни приглушенные, а то и отчасти забытые ароматы цветов как традицию европейской культуры, восходящую в особенности к XIX в., преимущественно французской, способствующей формированию утонченных любовных взаимоотношений, символом которых было восприятие женщины как цветка. Шмелев принял предложение Бредиус-Субботиной о «цветочных отношениях», восприятие которых отозвалось созданием этюда «Девушка с цветами» (письмо от 31.10.1941), в котором любимая обозначена писателем «чудесной моей чудеской». Духовная ценность любящего Шмелева направлена на ценность личности любимой: «Девушка с цветами, / кто ты? // Девственность / – и грусть. / И светлость. // Смотришь в даль... / Что там, за далью... – / счастье? // У сердца – белые ромашки, / пленницы твои, / ручные. / Ну, / загадай о счастье: // «...любит?... не любит... / любит..?» // Ну?.. – // что шепчет сердце / – сердцу? / «Любит!» [2, т. I, с. 218]. Слова этюда направлены на осознание любимой не только как «девушки с цветами», но как личности с явным философским обликом, с близкими для него телом и душой». В любви Шмелева есть мощные сегменты сострадания к жизни, быту, здоровью любимой и призывы: «Умоляю, принимай «cellucrine», фосфор, ешь больше, пой (если можешь), гуляй, отдыхай, никаких работ...» [2, т. I, с. 219], в ко-

торых проявилась преданность как отдавание себя, посвящение себя объекту любви. Тем самым любящий Шмелев дает любимой новое измерение своей сущности – быть для него. Любовь придает новый смысл бытию. При этом любовь Шмелева была непосредственным переживанием сменяющихся собственных состояний – неожиданности, взволнованности, радости и печали от непреодолимости расстояния, невозможности встречи. Все это создавало особенное настроение любви-преданности-сострадания, которое ощутимо в завершающей фразе письма «Девушки с цветами»: «Как-бы тебе я прочел!.. Писал – и – странно! – плакал [2, т. I, с. 219], написанной в «12 ч. 40 дня», а через несколько часов продолжение письма начиналось словами: «“Девушка с цветами” будет увеличена, чтобы на мольберт. Чудесно!» [2, т. I, с. 219], т. е. подразумеваемая размещенный на нем холст с живописным портретом любимой, свободно передвигаемого в пространстве. Следовательно, Шмелев переживал свои цветочные ощущения, и его мощное творческое воображение продуцировало мысль о необходимости живописного воплощения образа любимой как девушки в цветах. В какой мере осуществился этот замысел, такими данными мы не располагаем. Есть лишь упоминание в письме: «А “Девушку с цветами” – ты получила? Грустная она? Я объясню» [2, т. I, с. 264]. Но отныне переписка начиналась или завершалась фразами о цветах. Шмелеву удалось воссоздать экфрасисный портрет условного мольберта «Девушки в цветах» как признания в любви, способствовавшего познанию «порядка любви» (по Шелеру).

Отныне в переписке влюбленных ощущается перемена, продуцирующая откровение в любовных чувствах, соотносимая с мыслью Алена Корбена: «Воздух, окружающий женщину», становится неуловимо влажным и волнующим элементом ее sex-appeal. Однако культ девической непорочности, новые представления о замужней женщине, о ее роли и добродетелях – все это по-прежнему налагает табу на чересчур прямые провокации. Возбуждать желание, не нанося ущерба стыдливости, – такова функция ольфакторности коммуникации на очередном витке утонченной любовной игры, символом которой становится новый союз женщины и цветка» [6, с. 362]. Едва ли не каждое письмо Шмелева привносит нежные штрихи к портрету Ольги Александровны как «женщины-цветка»: «Оля, это у тебя, у шейки, цветы – бегония или орхидеи?» [2, т. I, с. 227]; «Твои “мотыльки” еще цветут, последний бутончик розовеет... Послезавтра минет три месяца, как они прилетели ко мне – и поют о любви» [2, т. I, с. 561]; «Я купил 3 пучка ландышей, из лесу с корнями и цветочными стеблями. Посади! Они день со дня будут распускаться – это – ты – юная! Не заботься о “вечном цветке” – для меня: у меня есть этот “вечный цветок” – Ты, Светлая» [2, т. I, с. 624].

Цветочные мотивы в переписке открыли возможность к сублимации, т. е. одухотворению, утонченности отношений на основе преобразования, вспыхнувшего полового влечения друг к другу. Но невозможность встречи предполагала некое компенсирующее действие, реализованное в письмах как духовной деятельности: «Девочка моя, хочу тебя... любить, ласкать, чувствовать – вот тут, близко, всегда... Оля моя, – ну, будто мы всегда знали друг друга, вместе выросли, годы-годы... – Ну, будто ты должна мне явиться, – иначе и быть не могло! Знаешь, мне тебя совсем не стыдно, о чем бы я не говорил тебе – все слова с тобой возможны... чистые слова, любви и ласки. И все – движения, все, все.. – они – ласка, – всегда, во всем – чистая, так я смотрю на тебя, будто ты – я»; «давно-давно ты стала моей, так внутренне моей, до самой-самой телесной близости – ну, ты – во мне, и я – в тебе. И – нераздельно. Вот, мысленно, – обнял тебя – и держу... и всю целую – весь забылся» [2, т. I, с. 226–227]. Столь объемное цитирование признаний в письмах свидетельствует о пережитом состоянии ресублимации (по концепции Шелера), когда Шмелев от пережитых трагических потерь ощущал ограничение притока жизненных сил, следовательно, угасающего интереса к духовной деятельности. Переписка с Бредиус-Субботиной не только вернула его к жизни, но способствовала возвращению к мальчишеству как желаемому состоянию духа, т. е. пуэрилизму как понятию философии культуры, обоснованному М. Шелером. Именно это понятие, которое Шмелев не употреблял, но сохранял его смысл в сознании, тем самым удерживал огромное желание сохранить молодость и придать новые смыслы своей обновленной духовной жизни: «Я пред тобой – мальчишка. Не улыбайся, это правда, так я и думаю... [2, т. I, с. 624]. Вместе с тем ресублимация у Шмелева проявилась в тихом, но страстном бунте против аскетизма интеллектуальной жизни прошлого. Несколько

видоизменяя трагическую тему Крыма, Шмелев сопоставляет всю свою прошлую жизнь с периодом «романа в письмах», демонстрируя любимой женщине новое измерение своей сущности – быть для нее. Тем не менее любовь к жене не вытеснилась, но обрела качество провозглашенной христианством этической ценности, т. е. любви к ближнему.

Пережитое Шмелевым состояние ре- и сублимации способствовало не только отторжению архаических духовных сегментов, но и трогательному сохранению отношения к тому, что обрело статус достояния культуры в человеческих взаимоотношениях. Это был тот миг в письмах Шмелева, когда на цветочные мотивы наслаивается тема «духов для переписки», одного из наиболее изысканных явлений чувственного мира как совокупности содержания сознания к чувственным удовольствиям – любви, радости, печали, взволнованности, даже склонности к плотским наслаждениям, хотя и невозможным. На этой волне Шмелев рефлектирует, осмысливая свое возвращение к забытому состоянию, размышляя, сравнивая, изучая обновленное состояние духа, как движения к новому Я. И вместе с тем это особая форма рефлексии, поскольку происходило возвращение к самому себе, такому неожиданному, юному через мышление в письмах.

Тональность цветочных мотивов была задана Бредиус-Субботиной: «Сердца звук не понял? Ты – то?! И **“стих” мой не увидел? Хоть писала его и внешне стихом. Там было о созвучиях, цветах и ароматах, и поцелуе**» [2, т. I, с. 202]. Именно цветочный аромат продуцирует откровение Шмелева как раскрытие истины, воспринимаемой не только рассудком, но и сердцем, поскольку это особенное состояние любви. И это уже не было заблуждением: «Ну, и подобрались друг к другу! Кажется, оба задохнемся, друг от друга. Не знал такого чувства... Мы совсем безумные! Помни одно: *люблю – до смерти*» [2, т. I, с. 206] (подчеркнуто Шмелевым – *В.Н.*). Это слово открывало путь к наиболее сокровенному смыслу «романа в письмах», выраженного в мотиве «духов для переписки». Веруя в близкую встречу с любимой, Шмелев в письме от 3.11.41 неожиданно задается вопросом: «Какие твои любимые духи? Не ландыш? Нет... не грэюпль? Блоссона (его Оля всегда покупала), один из самых тонких и дорогих. Любила Ландыш, но он томит. Я любил, когда она тихо подойдет, я пишу, ни-чего не слышу, хоть пожар, – не вижу, – и ... на голову мне – накапает грэпэплем... Я не слышу, потом – запах бросает меня куда-то... И я прихожу в себя» [2, т. I, с. 227]. Именно запах остался в памяти как наиболее значимое событие прошлой жизни – и крымской, и парижской. Сохраненный запах ландыша не только «томил», но удерживал во времени, из которого Шмелев уже вырвался. Тем не менее именно его запах он привнес в отношение с Бредиус-Субботиной, возможно, как воспоминание о трогательных традициях русской литературы («Первый ландыш» Афанасия Фета). Так, письмо от 08.12.41 надушенное ландышем с сообщением: «Сегодня купил и для себя “ландыш”» [2, т. I, с. 328], вероятно, с надеждой, что душистые эманации ландыша будут создавать особенные отношения между ним и Ольгой Александровной. И все же она несколько сдерживала порывы Шмелева-парижанина: «Ванечка, ты не присылай еще духов – к чему так баловать? Я не запрещаю это, но... просто... зачем же?» [2, т. I, с. 352]. Но Шмелев настойчиво предлагает любимой «Ландыш» Герлен, а также «Жасмин»: «Я всю тебя задушил бы... духами! Всю тебя осыпал бы дарами, малыми такими» [2, т. I, с. 357]. Ольга вдохновляет его, он осознает, что они пишут «роман в письмах», который со временем будет опубликован. Вместе с тем и Ольга ощущает необыкновенный подъем. Духи, присланные Шмелевым, надушенные листы писем создают не только особенную ауру, но формируют аромат любимой, которым она готова поделиться, поэтому заказывает ему для передачи во Францию и ландыш, и белую сирень, «непреренно душистые цветы» [2, т. I, с. 395], поскольку этот запах духовный. Когда сирень была доставлена Шмелеву, он ощутил необыкновенный подъем чувств: «Я был так счастлив! А вечером пришли «молодые», друзья, и я им пел, много пел... – откуда такой – бархатный! – баритон взялся?» [2, т. I, с. 413].

Мотивы цветов, цветочных запахов и ароматов французских духов, которые смешались в переписке, осмысление их использования в частной жизни обусловили стилевую особенность писем, в которых заявили себя в качестве ключевых слова, производные от выражения дух, обозначающих в переписке дыхание, дуновение ароматов и запахов как носителей жизни, как всеобщего характера любовных отношений Шмелева и Бредиус-Субботиной, сплетения их обновленных форм жизни (эпистолярных) и духа. «Ты чутко пони-

маешь дух “Твоя от Твоих”» [2, т. I, с. 412]; «Я знаю только мою Олю..., исключительную по душевной красоте» [2, т. I, с. 412]; «**Вся родня у нас – духовная** [2, т. I, с. 399]. **Под духом** просматривается такое положение вещей, когда переписка продуцирует духовную деятельность изначально отдельного человека, что нашло выражение во вспыхнувшем интересе к жизни, к женщине и внезапном озарении Шмелева его любовного чувства к Бредиус-Субботиной. На этой волне проявился их общий дух, формируемый посредством целенаправленной, настойчивой, непрекращающейся духовной работы. Переписка продемонстрировала их возрастающее духовное единство, гораздо мощнее витального. Потребность в любовных признаниях, трогательной заботе о бытовых условиях повествует не только об истории жизни с откровениями доселе неведомыми, но обуславливает желание телесной близости, невозможность которой компенсируется созданием совместного цветочного аромата, переходящего также в совместные запахи французских духов, передаваемых из Парижа, созданного всеобщего аромата, исходившего от надушенных писем. Так, у Шмелева происходит ощущение Ольги Александровны как живого тела, в широком толковании этого слова, т. е. основы душевной жизни, когда тело и душа образуют витальное единство на грани с духовным. Воображение влюбленного Шмелева воссоздает в письмах живое тело любимой, воздействуя на нее силой чувств, настроений, аффектов. Его духовное состояние зависит от этого воображаемого живого тела, а любовные переживания на определенном этапе переписки могут реализоваться, когда находят воплощение в едва ли не физическом ощущении тела любимой и откровенном признании ей: «Я люблю тело – во всем, даже – в духовном. Прочтешь, м. б., «Старый Валаам» – там, сквозь Тело – дух сквозится» [2, т. I, с. 221]. Шмелев во время любовной переписки и свое тело воспринимает как синтез телесного и духовного, едва ли не как главный объект своих новых переживаний, соотносимый с телом Ольги. Эта мысль реализовалась в ряде писем, углубленная ароматами и запахами духов и цветов: «...Я послал тебе духи – для тебя, живой Оли... я люблю тебя. Оля, открой и дыши ими. Я посылаю живой... Целую мою Олю. И как во мне му-у-утно! [2, т. I, с. 417]; «08.01 в 1 ч. дня принесли мне твое дыханье, – три твои поцелуя, снежинка... чистые, снежные, тонкого живого фарфора – колокольчики... – о, какие же живые... гиацинты! Все твое – жизнью полной цветет-поет! Все! Эти буйные мотыльки... розы крылатые...розо-сомончики... поют для меня молитву – песню... окна открываю, чтобы они жили, твои живые поцелуи, крылатые... И нежная, как твое дыханье, пышная-пышная белая сирень, – все цветет! Вся богатая твоя природа, твоя душа... – для меня – цветенье, ликованье, порыв, метанье, игра и свет. Это же твой сад-цветник у меня, – и как все сильно, свежо, как все живет тобой-тобой, только» [2, т. I, с. 419]. **Словно призыв страстно любящего сердца звучат слова:** «Ольга, изволь жить духами» [2, т. I, с. 431]; «Оля, живи духами, всеми» [2, т. I, с. 440]. И тут просьба: «Прости, Олек, эти пятна от духов!» [2, т. I, с. 440], **следовательно, взаимосвязь через ароматы крайне необходима, даже «капля Apres l’ondce»** [2, т. I, с. 463]. И ответное послание запахов от Ольги: «Здесь духи» [2, т. I, с. 684]. **Но при этом «дух», «надушенность», «дыхание», как и способствующие тому ароматы и запахи цветов духов, весьма автономны в переписке и не имеют четких границ, оставляя для любящих неограниченную сферу развития.** Так, личный дух Бредиус-Субботиной постепенно вращался в духовную культуру, формируемую для нее Шмелевым, которую она усвоила благодаря своему воспитанию и образованию, подмеченному таланту. Ее новое становление происходило в переписке, имея колоссальную обратную силу: «Сколько ты – твоя любовь, моя – к тебе любовь, – выбила искр во мне! Я ведь засыпал! Теперь – горю, страстно хочу писать, во-имя Твое, Оля» [2, т. I, с. 487]. **Но при этом Шмелев не забывал свой Крым, его трагедий и страданий жены:** «Мы были окаменевшие, уже неживые, светило солнце мертвых. Это я понял после, чуть отойдя» [2, т. I, с. 478], как не угасала в нем традиционная форма воспитания и образования, существующие нравы, образ мыслей, тонкий эстетический вкус, неиссякаемый интерес к мировым событиям, проблемами литературы и искусства, размышления по этому поводу в переписке. Он делился творческим опытом с талантливой Ольгой, анализируя «маленькие этюдики» Ильина: «Видишь, просто: связать с “внутренним образом” предмета свою душу, сердце: тут и детские ощущения..., и “радость жизни”, и красота божья, – и “душа, вещи”, и – быт, и... запах и отражения их в духе человека... – бездна» [2, т. I, с. 486]. Его живой дух проявляется в нормах мышления, им разработанных моделях пове-

дения, следовательно, на волне ароматов и запахов («и – прошу – живи духами! Не храни» [2, т. I, с. 493], соединивших его с любимой женщиной: «Пример: письмо вчерашнее “запахи и ласки-поцелуи!..” Не опускай глаза, прости, я – безумствую, О-льга..! Оля – все мои тайны творческой работы – твои, ты – я, я – ты. *Думать вместе!* Это счастье» (подчеркнуто Шмелевым – В.Н.) [2, т. I, с. 486].

В переписке с любимой Шмелев познал смысл живого духа, обогатив его своим состоянием любви: «Духи свои лей на себя, они же для тебя и посланы. А у меня есть, для меня, – или платок опрыскаю, или чуть покурю в комнате... а для постельного белья лаванда у меня есть. Жалею, что не послал тебе хотя бы “душистого горошку”, если “жасмина” не мог достать. И еще у меня есть очень тонкая “сирень”, я весну люблю вызывать. В ее запахе – этой моей сирени – столько тончайших весенних дуновений! По-моему, это самый легкий, самый весенний запах, – столько вызывает во мне ощущений, отсветов юности... и – грусть» [2, т. I, с. 557]. Тем и интересны первые годы создания «небывалого романа» о любви выдающегося писателя последних лет его жизни, обогатившего культуру «грамматикой ароматов», передавших парадоксальную атмосферу трагического XX века.

Список использованной литературы

1. Ильин И.А. Переписка двух Иванов (Собрание сочинений). Т. 2 (1935–1946) / И.А. Ильин. – М.: Русская книга, 2000. – 578 с.
2. Шмелев И.С. и Бредиус-Субботина О.А.: Роман в письмах: в 2 т. / И.А. Шмелев, О.А. Бредиус-Субботина. – М.: РОССПЭН, 2003.
3. Память // Философский словарь: основан Г. Шмидтом / под ред. Г. Шишкоффа. – М.: Республика, 2003. – С. 329–330.
4. Вайнштейн О. Грамматика ароматов / О. Вайнштейн // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. / сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 1. – 672 с.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения / И. Кант. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.
6. Корбен А. Ароматы частной жизни / Ален Корбен // Ароматы и запахи в культуре: в 2 кн. / сост. О.Б. Вайнштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2003. – Кн. 1. – С. 366–412.